

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИНЫ

НОВЫЕ КНИГИ

Новая повесть лауреата премии Ленинского комсомола А. Лиханова «Благие намерения» («Знамя», 1980, № 7) может быть с равным правом адресована как взрослому, так и юношескому читателю, ибо она неоднозначна. Как и каждое произведение писателя, она является еще одним подтверждением его мысли о том, что «сугубо школьных повестей нет и не должно быть, как нет у нынешних ребят строго изолированного собственного отроческого мира. Наши дети есть часть и отражение взрослого мира во всех его сложностях и противоречиях».

Каждый ребенок — личность. «Трудный» ребенок, волей обстоятельств лишенный родительского тепла, неповторимого уюта отчего дома, — личность, которая требует особого к себе отношения. Пробным камнем педагогики стало для выпускницы вуза Надежды Георгиевны общение с ее питомцами — ребятами из детдомовской группы школы-интерната. Жизни, полная неожиданностей, огорчений, тревог, выстраданных открытий, оказалась неизмеримо сложнее того расхожего набора школьных премудростей, к которому ее готовили в вузе.

Трудно, ценою неуверенности, порой отчаяния постигает молодой педагог ту истину, что у маленького человека «мало опыта, вот и все, а во всем остальном он точно такой же, как и взрослые люди. Страдает точно так же. И любит с той же силой. Верит. Сражается. Точно так же. А порой еще сильнее, ярче, горше».

Воспитать человека можно, только отдав ему часть себя. Открывая для себя в скупых строках характеристик неведомые ранее аббревиатуры, (ЛРП — лишение родительских прав, МЛС — места лишения свободы...), вчитываясь в слова расписки о добровольном отказе матери от родной дочери, содрогаясь от чужого горя, чужой боли, Надежда Георгиевна понимает, что «сердце дано человеку не только для счастливых ночей», тем более учительское сердце.

Пройдут годы, прежде чем вызреет педагогическое credo Надежды Георгиевны: уметь признавать ошибки, выкладываться и любить.

Выкладываться? Да. В повести есть такой диалог между Надеждой Георгиевной и ее знакомым Виктором, который

считает, что времена самоотверженности в педагогике кончились. «Мы живем в эпоху совмещенных страстей. Школа, семья, общественные поручения. Человек троит себя, четверит, семерит. Надо делиться на много частей, чтобы успеть во всем, — говорит Виктор. — «Понемногу? Не мало ли — понемногу? — возражает Надежда Георгиевна. — Может, лучше много в одном?»

Любить? Да. Но если у директора школы Аполлона Аполлинарьевича, завуча Елены Евгеньевны, воспитательницы Марии Степановны отношение к детям выверено в каких-то пока непостижимых для неопытного педагога пропорциях разумного и сердечного, то всеми намерениями и поступками Надежды Георгиевны движет одна только любовь. Но, оказывается, и любовь может быть избыточной, и сердце может ошибаться. Веря во всеиллие доброты, Надежда Георгиевна стремится вывести своих малышей в большую жизнь, к взрослым людям, чтобы последние хоть в чем-то заменили им отца, мать, близких, приютили, пригласили в свои дома и семьи. Для одних эксперимент обернулся проблемком радости, для других — неожиданно — новой болью, новой раной, новой зарубкой на судьбе.

Ошибаться? Да. От этого никто не застрахован. Но тысячу раз да — признавать свои ошибки и просчеты. И пусть многие ребята обрели верных и надежных друзей, пусть других, пострадавших, было меньше, но если хотя бы один-единственный малыш еще горше ощутил свое детдомовство — надо отдать себе отчет в поражении. Ради столкнувшейся с предательством Аллочкой — «маленького человека со сломанной, печальной, грустной судьбой», которого двое взрослых людей предали в тот самый миг, когда Аллочка оттаяла душой, полюбила их, уверовала в обещание, что она станет их дочерью. Ради детских глаз Севы, в которых «выгоревшая пустота». Ради его отчаяния, выливающегося в грязную, подобранный где-нибудь у пивнушки брань. Ради Анечки Невзоровой, для которой ее непутевая мать — все же мать, и она готова защищать

ее до последнего с ожесточенностью маленькой женщины.

«Признавать ошибки, выкладываться и любить». А «часто ли мы признаемся, что с таким-то и таким-то учеником зашли в тупик? — рассуждает Аполлон Аполлинарьевич. — Чаще виним кого-нибудь. Родителей, среду, предыдущее воспитание, и не всегда мы неправы, ну, а положи руку на сердце, всегда ли правы? Знаете, что самое страшное в учительстве? Фанатерия, самоуверенность, нежелание признавать ошибки. Есть у нас и профессиональная болезнь. В школе ведь выкладываться надо. А на всех не хватает. Иной сначала старается, потом видит, что тяжело, и махнет рукой. Можно, считает, жить попроще, работать без надрыва. А детям — что не додал, то и не получил. Но ведь мы имеем дело с будущим государства, недополучать будет не школа, а страна и наш воспитанник» — в этих словах умудренного житейским опытом учителя выражается авторская озабоченность постановкой дела образования и воспитания юной смены.

Учитель. О его подвижническом труде написаны сотни книг. Во многих из них профессия учителя заслуженно характеризуется множеством самых возвышенных и восторженных слов. Но только повседневностью поверяется преданность учителя его высокому назначению, только готовностью его без усталости, если нужно, корчевать в человеческих душах все мелкое, дрянное, неизменное, без боязни за свой учительский престиж, «без липовых фраз, мнимых отчетов, суесть, восхвалений».

И еще — учитель должен постоянно учиться. Учиться на своих собственных ошибках, на ошибках других, учиться у тех, кого он учит, — в этом залог того, что никогда не обеднеет, не зачерствеет его душа, что всегда будет жить в ней вера в человека, надежда на человека, любовь к человеку.

Учитель, утверждает Лиханов устами Аполлона Аполлинарьевича, «поверяющий свою работу этими высокими мерками, как бы поднимается над обытовленностью повседневности, становится философом, становится мыслителем, становится создателем человеческой личности, а значит, и общества».

К. ДОЛГИНЦЕВА,

методист областной юношеской библиотеки.